

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Ю. С. Газизова, И. Г. Колпакова,
Е. Н. Рыбакова, Н. А. Устинова**

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАТЕРИНСТВА

Статья посвящена анализу исследований по проблеме материнства в психологии и смежных областях, показаны различные точки зрения на указанную проблему. Основной акцент сделан на культурных и исторических детерминантах формирования материнской позиции.

Вопрос о зависимости родительской позиции по отношению к ребенку от культурно и исторически обусловленных систем норм и ценностей не является новым. В современных исследованиях институт материнства рассматривается как исторически-обусловленный, изменяющий свое содержание от эпохи к эпохе (И. С. Кон, М. Мид и др.). Однако имеется значительное разнообразие во взглядах по ключевым аспектам этой проблемы.

В работах М. Мид утверждается, что материнская забота и привязанность к ребенку настолько глубоко заложены в реальных биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что только сложные социальные установки могут подавить естественные инстинкты и поведение женщин. М. Мид пишет, что «общество должно исказить их самосознание, извратить врожденные закономерности их развития, совершить целый ряд надругательств над ними при их воспитании, чтобы они перестали желать заботиться о своем ребенке, ибо они уже кормили его в течение девяти месяцев в надежном убежище своих тел» [3, с. 3]. Там, где беременность наказывается социальным неодобрением или наносит оскорбление супружеским чувствам, женщины могут идти на все, чтобы не рожать детей. Если женское чувство адекватности своей половой роли грубо искажено, если роды скрыты наркотом, мешающим женщине осознать, что она родила ребенка, а кормление грудью заменено искусственным кормлением по педиатрическим рецептам, то обнаруживается значительное нарушение материнских чувств. Данная тенденция в последнее время наблюдается в экономически развитых странах Западной Европы и Америки. Многие женщины, напуганные предстоящими родовыми муками, без каких-либо медицинских показаний к операции, предпочитают рожать с помощью кесарева сечения. Врачи отмечают снижение ин-

тереса к ребенку, желания ухаживать за ним, быть с ним – в общем, все то, что мы называем искажением материнского поведения.

Кросскультурные исследования свидетельствуют о том, что в сообществе, стоящем на низкой ступени развития, где люди превыше всего ценят социальный ранг, женщина может уничтожить своего ребенка собственными руками. Это делали некоторые женщины Таити, а также некоторые индианки из племени натчез, когда детоубийство могло повысить их социальное положение. В племени мандугошоры женщины хотели иметь сыновей, а мужчины – дочерей: ребенка нежелательного пола заворачивали в ткань и бросали в воду. У арапешей ценилось рождение мальчиков, и если рождалась девочка, то ее могли убить [3]. С чем связаны эти традиции в примитивных культурах? Является ли это регуляцией деторождения и, как следствие, демографической ситуации либо это связано с определенными межличностными отношениями внутри некой социальной общности? Однозначного ответа на данные вопросы не существует.

Крайнюю социоцентрическую позицию занимает Элизабет Бадинтер, которая, проследив историю материнских установок на протяжении четырех столетий (XVII–XX вв.), пришла к выводу, что «материнский инстинкт – это миф». Она не обнаружила никакого всеобщего и необходимого поведения матери, а напротив – чрезвычайную изменчивость ее чувств в зависимости от ее культуры, амбиций и фрустраций. Согласно мнению Бадинтер, материнская любовь – это понятие, которое не просто эволюционирует, но наполняется в различные периоды истории различным содержанием.

Этой же точки зрения придерживается историческая психология. Последователи данного направления считают, что главной причиной всех исторических изменений является психогенез, то есть закономерная смена стилей воспитания детей под давлением поколений. Естественно, что стиль воспитания накладывает отпечаток на стиль поведения матери, ее отношение к ребенку да и на весь институт материнства в целом.

На основании глубокого анализа исторического материала Л. Де Моз выделил шесть последовательных этапов смены стилей воспитания на протяжении истории европейского общества. Им соответствует шесть стилей материнского поведения, которые являются следствием страхов и фантазий матери. Фантазии возникают как защита на детские травмы и помогают пережить детские страхи. Каждый стиль является характерным для той или иной эпохи и закономерно сменяет один другой в связи с изменениями, происходящими в обществе.

Первый стиль взаимодействия матери с ребенком – инфантицидный или убивающий. Данный стиль характерен для античности. В те времена счита-

лось возможным или даже целесообразным убить собственного ребенка в том случае, если его будет трудно воспитать или прокормить. Фантазия матери заключается в следующем желании по отношению к ребенку: «Я хочу, чтобы ты умер, и тогда я избавлюсь от страха, что моя мать убьет меня». В истории существует множество примеров инфантицидного отношения к ребенку: детоубийство в Спарте, жертвоприношения, которые сохранились и в эпоху христианства.

Второй стиль – оставляющий, стиль отказа, характерный для средних веков. Мать уже способна переносить часть страха с ребенка на другие объекты. Фантазия матери при данном стиле взаимоотношений выглядит примерно так: «Я должна тебя покинуть, чтобы избежать искушения сделать тебя предметом своих проекций». Оставляющий стиль проявлялся в том, что мать после рождения отправляла ребенка сначала к кормилице, потом на учебу или воспитание: девочек – в школы при монастырях, мальчиков – учиться ремеслу или на службу к феодалу.

Следующий, третий стиль материнства – амбивалентный, он характерен для эпохи ренессанса. А. Де Моз отмечает, что в период распространения данного стиля появляется большое число руководств по воспитанию детей, в религии укрепляется культ девы Марии, а в искусстве формируется образ заботливой матери. Фантазия матери можно сформулировать следующим образом: «Ты плохой из-за моих же агрессивных и эротических проекций». Амбивалентность проявлялась в двойственности отношения к ребенку: если раньше наиболее распространенным было спокойное отношение к гибели ребенка («Бог дал, Бог взял», «в мире ином ему будет лучше»), то в эпоху ренессанса стал возможен траур по ребенку. Но при этом воля ребенка подавлялась, мать била его, чтобы избавиться от своих агрессивных проекций. Большое распространение в тот период получили клизмы для детей, как способ их очищения.

Четвертый стиль – навязывающий. Его появление характеризуется резким переломом в отношении родителей к детям. Фантазия матери можно представить тезисом: «Ты можешь рассчитывать на мою любовь только при условии моего полного над тобой контроля». В этот период ребенка перестают пеленать и отправлять к кормилице, начинает развиваться педиатрия. Сверхконтроль проявляется в раннем приучении к туалету. Родители старались тесно сблизиться с ребенком, обрести власть над его умом и таким образом контролировать его внутреннее состояние, потребности, волю. Теперь ребенок постоянно рядом с матерью, и она может следить за ним, он полностью подчинен ее воле.

Следующий, пятый стиль, появился в конце XVIII в. и продолжал свое существование вплоть до середины XX в. Это социализирующий стиль взаимодействия матери с ребенком. Фантазия матери выглядит следующим образом: «Я буду тебя любить, если ты достигнешь поставленных мною целей». Ребенка социализируют, учат адаптироваться к обстоятельствам. Идеи социализирующего стиля актуальны до сих пор. Л. Де Моз замечает, что этот стиль отношения стал основой всех психологических моделей воспитания XX в. – от фрейдовской «канализации импульсов» до скинеровского бихевиоризма. Человечеством изобретено великое множество средств внушения ребенку родительских целей: разнообразные виды наказаний, связанных с чувством вины, унижением ребенка, школьное обучение – все это является мощным рычагом воздействия на ребенка.

И последний, шестой стиль – так называемая «помогающая мода» – появляется в середине XX в. Фантазии матери связаны с установкой: «Я люблю тебя и буду помогать тебе в достижении твоих целей». Проявляться это должно в безболезненных для ребенка родах, отмене обязательного школьного образования (должно появиться свободное посещение), защите прав ребенка. «Не делается никаких попыток дисциплинировать или формировать «черты». Детей не бьют и не ругают, прощают, если они в состоянии стресса устраивают сцены. Такой стиль воспитания требует огромных затрат времени, энергии прежде всего на беседы и игры с ребенком, особенно в первые шесть лет, потому что помочь ребенку решать свои ежедневные задачи невозможно, не отвечая на его вопросы, не играя с ним [2, с. 86].

Во второй половине XX в. отчетливо наметились и тенденции, враждебные детоцентризму. Социально-политическая эмансипация женщин и все более широкое вовлечение их в общественное производство делает их семейные роли, включая материнство, не столь всеобъемлющими и, возможно, менее значимыми для них. Самоуважение женщины имеет, кроме материнства, многие другие основания – карьерный рост, независимость, социальный статус. Некоторые традиционно материнские функции в институте семьи принимают на себя общественные институты и профессионалы: врачи, воспитатели, няни, специализированные общественные учреждения. Все это не отменяет ценности материнской любви и потребности в ней, но существенно изменяет характер материнского поведения [4].

В последнее десятилетие отечественными и зарубежными исследователями было предпринято весьма незначительное количество попыток сравнительного анализа взаимоотношений матери и ребенка в различных культурах. Приведем результаты некоторых заинтересовавших нас исследований.

В работах Л. Анерт, Т. Майшнер, А. Шмидт рассматриваются культурно-обусловленные аспекты взаимодействия с детьми немецких матерей, которые, по мнению авторов, обусловлены, в первую очередь, национальными и культурными традициями. В частности, авторы отмечают, что в Германии доминирующие воспитательные концепции и идеалы были определены распространением и становлением протестантизма и его идеологических, моральных и этических основ, которые придали межчеловеческим взаимоотношениям внутри немецкой культуры преимущественно рационально-прагматический характер. Кроме того, одна из важнейших духовных традиций в немецкой культуре восходит к прусскому военному государству. Базисные установки и ценности, связанные с дисциплиной, послушанием и авторитетом, влились в общественную жизнь и повлияли впоследствии на концепции воспитания и ухода за детьми в немецкой семье. Соединение этих «пруских идеалов воспитания» с протестантской индивидуалистической этикой и этикой успеха привело в конце концов к процессу интериоризации, который, с одной стороны, выражает принятие и лояльность личности по отношению к верховной власти, а с другой – описывает чувство безопасности и уверенности, с которыми, в стороне от общественной жизни, человек имеет возможность определять границы своего поведения.

При рассмотрении российских национальных и культурных традиций, которые оказывают существенное влияние на стиль и способы взаимодействия матери и ребенка, отечественными исследователями (В. А. Доскин и др.) особо подчеркивается значение эмоциональных механизмов в процессе социализации и их органическая укорененность как в русской семье, так и в историческом развитии России в целом. Взаимоотношения матери и ребенка, как и человеческие взаимоотношения вообще, описываются в русской культуре как искренние, исполненные человечности и тесно связанные с морально-этическими ценностями. Общеизвестно, что в России и в православной церкви, уходящей корнями в византийское христианство и успешно изолировавшей себя в течение веков от западных влияний, не было Возрождения и фазы церковных реформ (Реформации) в западноевропейском смысле. Как следствие этого появились религиозные модели, которые во многих отношениях определяли поведение людей и остались во многом неизменными до наших дней. Человеческие ценности братства и взаимопомощи в смысле христианской любви к ближнему, проявляются и сегодня в структуре и функционировании многих русских семей и определяют морально-эмоциональный характер концепций воспитания и ухода в них. Кроме этого, поскольку кланоподобная большая семья по-прежнему является распространенной формой отношений, ее социализирующий потенциал определяется

функционированием разветвленной сети взаимодействий, в центре которой находится мать.

Существенные различия в национальных и культурных традициях немецкого и русского народов оказывают влияние на особенности взаимодействия матери с ребенком. При этом значимые различия обнаруживаются прежде всего в предпочтении концепций воспитания и ухода. Так, в русских семьях была обнаружена явная направленность на ребенка, к которому в той или иной степени приспособляется семейная жизнь и функциональные процессы в семье. Немецкие же матери стараются максимально прагматически интегрировать ребенка в повседневную жизнь семьи. Кроме того, по мнению русских матерей, общение с ребенком должно определяться воспитательными целями и представлениями, которым необходимо по возможности следовать, немецкие же матери гораздо менее озабочены этим вопросом. Русские матери демонстрируют гораздо большую неуверенность в отношении дальнейшего развития их ребенка и тех воспитательных стратегий, которые они выбирают. Подчеркивается высокая этическая значимость ребенка в русской семье, с которым мать должна научиться правильно жить и общаться. Кроме того, ее взаимодействие с ребенком протекает на глазах большой семьи, постоянный контроль которой она также должна учитывать в своем поведении. Русские матери чаще, чем немецкие, применяют эмоциональные и гуманизирующие средства взаимодействия. Последние же, как правило, скупы на слова, их высказывания носят исключительно конкретный характер, нацелены на практическое содержание и неоднократно повторяются в одной и той же форме [1].

Таким образом, исследования разных культурных вариантов материнства свидетельствуют о влиянии имеющихся моделей семьи, детства и ценностей, принятых в данном обществе, на материнское поведение и переживания женщины, а материнство может рассматриваться как феномен культуры.

Литература

1. Арнет Л., Маймнер Т., Шмидт Л., Доскин В. А. Кросскультурное исследование взаимодействия с детьми русских и немецких матерей // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 20–31.
2. Де Моз Л. Психоистория. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 509 с.
3. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
4. Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22–36.